

УДК 94(47).083

Эволюция отношения провинциального общества к образованной женщине во второй половине XIX – начале XX вв.

Шатохина С. Б.

Shatokhina S. B. Evolution of the Provincial Society Attitude Towards Educated Woman in the Second Half of XIX – early XX Cent. The article deals with the change in attitude of the provincial population towards educated women on the example of the professional activities of female doctors, female teachers, as well as a woman who initiated a cooperative milk artel.

Keywords: educated woman, province, public opinion, periodicals, women`s education, cooperation.

Шатохина С. Б. Эволюция отношения провинциального общества к образованной женщине во второй половине XIX – начале XX вв. В статье прослеживается изменение отношения населения провинции к образованным женщинам на примере профессиональной деятельности женщин-врачей, учительниц, а также конкретной женщины, инициировавшей создание кооперативной молочной артели.

Ключевые слова: образованная женщина, провинция, общественное мнение, периодическая печать, женское образование, кооперация.

Шатохина С. Б. Еволюція ставлення провінційного суспільства до освіченої жінки в другій половині XIX – початку XX ст. В статі простежуються зміни ставлення населення провінції до освічених жінок на прикладі професійної діяльності жінок-лікарів, вчительок, а також конкретної жінки, яка ініціювала створення кооперативної молочної артелі.

Ключові слова: освічена жінка, провінція, громадська думка, періодичний друк, жіноча освіта, кооперація.

Образованная женщина в российской провинции в рассматриваемый период уверенно завоевывала общественный авторитет и укрепляла свои позиции во многих профессиональных нишах, требовавших специальной образовательной подготовки. Однако процесс этот был сложным и неоднозначным, так как преодолеть сопротивление существовавших не одно столетие традиций на место и роль женщины в обществе, которые поддерживались государством и церковью, было непросто. Эволюция отношения общества к образованной женщине, как нам видится, повторила примерно тот же путь, каким женщины расширяли свое представительство в различных видах квалифицированной профессиональной деятельности. По мере того, как они вовлекались в новые виды занятий и добивались в этом определенных успехов, происходило постепенное признание их профессионализма и их права на эту профессию окружающими, а затем и клиентами, потребителями услуг, обучаемыми, пациентами и другими заинтересованными наблюдателями. Однако должно было пройти немало лет, даже смениться поколение, прежде чем общество в целом, а не только та его часть, которая непосредственно соприкасается с тем или иным профессиональным сообществом, примет нового положения дел.

Данная проблема нашла некоторое освещение в исторической литературе. [1; 9; 12]. Однако необходимо более глубокое ее исследование. Основными источниками для написания данной статьи послужили данные архива [5, 6; 7; 8], воспоминания современников [2; 3; 10; 13].

До появления земской школы главнейшим (не считая грамотных членов помещицкой семьи, там, где она была) образованным человеком в селе, источником знаний, моральным авторитетом был сельский священник, то с приходом школы на эту роль вольно и

неволью начинали претендовать учитель или учительница, и как следствие этого возникали, как минимум, натянутые отношения между ними. Наладить отношения, найти компромисс, было порой крайне сложно, особенно, если хотя бы одна из сторон ревновала другую, не проявляла мудрости в установлении и налаживании взаимовыгодного сотрудничества. Особенно трудно это было сделать учительнице. И если возникал открытый или скрытый конфликт учительницы и священника, то победителем в нем всегда оказывался последний, и учительнице приходилось покидать школу. Причиной удаления учительницы из школы порой становилась личная антипатия священника. Самым банальным основанием для осуществления операции по ее выдворению было обвинение в предосудительном поведении в отношении местных мужчин. Часто это сопровождалось распространением соответствующих слухов. А за обвинениями могли стоять неверно понятые и истолкованные слова учительницы, не понравившаяся деталь ее одежды и т. п.

Например, учитель подмосковной земской школы С. Константинов терялся в догадках, что же стало причиной перевода в другую школу его предшественницы. Местный священник обвинил учительницу Воронову в развращении детей и неподобающим поведением: «Из-за нее я взял сынишку из школы, чтобы не испортился. Любопытные дети все в щелки глядели, как учительница друзей угощала. Я порассказал бы такие сценки, что стены покраснели бы, а ты — молчать! — обратился он к матушке. — А земство ничего! Приедет инспектор, побудет с нею (хозяйева гадливо улыбнулись) и уезжает довольный. А дети любовались: регент сам был, староста, татары — коробейники — все, кто хотел... Хотел я усюветить, да боялся пойти к ней — разговоры пойдут! Матушка вздыхала, молча осуждая порочную учительницу» [10, с. 416]. Однако, начиная свой рассказ, священник, на наш взгляд, прямо назвал и отправную точку, и главную причину своей антипатии. Именно она определила и окрасила в соответствующие цвета его отношение к учительнице и ее общению с выше перечисленными лицами: «Вот приехали, Вы, хоть и поздно, а пришли ко мне — значит, признаете мой

авторитет, а вы как вижу, почище ее. Она же и знать не хотела меня: не заглянула ко мне. Хоть я и не принял бы ее – таких в дом не пускают!» [10, с. 416].

Таким образом, нежелание признавать авторитет священника, обусловленное, вероятно, внутренними убеждениями молодой учительницы, и стало причиной неприязни священника. А ее свободное общение с мужчинами не укладывалось в сельской местности в стереотипы поведения незамужней молодой женщины. При этом, вероятно, Воронова была из городской дворянской семьи, где такое поведение было нормой, и она не захотела его менять в угоду чьему-либо мнению, а наоборот – вела себя естественно, стремясь своим примером поколебать существующие традиции. Кроме того, общение со старостой, регентом, инспектором вполне укладываются в естественную сферу ее профессиональных обязанностей по заведыванию школой. Естественным для молодой женщины был интерес и к татарам – коробейникам, у которых она могла, не выезжая в город, купить необходимые галантерейные товары, узнать новости.

При анализе выше изложенного сюжета не следует забывать и о времени, когда происходил конфликт учительницы и священника – 1906 год и ранее. Поэтому его невозможно рассматривать вне контекста первой русской революции. Даже если Воронова не была сторонницей какой-либо радикальной революционной партии, то общий либеральный тренд несомненно с воодушевлением воспринимался в среде земского третьего элемента. Поэтому, возможно, она, почувствовав первые проявления гражданских прав и свобод, стремилась закрепить их в своем поведении. Хранитель патриархальных традиций, консерватор по своей сути и по должности – сельский священник не мог не выступить против веяний нового в лице земской учительницы, но делал это весьма грубо и пошло. Не внимание земства к доносам священника до лета 1906 года тоже вполне ложится в логику революционного времени. Однако, как правило, земство всегда стремилось защитить свой учительский

персонал. И в рассмотренном случае мы видим, что Воронова была не уволена, а переведена в другую школу.

В начале XX века и, особенно, после первой русской революции священники все чаще использовали «политический» повод для того, чтобы опорочить учительниц или иных неудобных им представительниц интеллигенции и таким образом добиться их выдворения со своей территории. Например, законоучитель Щигровской женской гимназии Курской губернии протоиерей Васютин обвинил 8 служащих в гимназии женщин, в том числе и начальницу гимназии, в принадлежности и радикальным и либеральным политическим партиям и политической агитации среди воспитанниц. Дело дошло до Департамента полиции Министерства внутренних дел. В ходе разбирательства выяснилось, что никто из перечисленных священником служащих гимназии «политикой не занимается и ни к каким противоправительственным партиям, союзам и обществам не принадлежат... неблагоприятные сведения о педагогическом персонале гимназии исходят от лиц, неодобрительно относящихся к этому персоналу» [8]. Справедливость восторжествовала, однако большую часть 1907–1908 учебного года начальница гимназии и 7 ее служащих находились под гнетом увольнения и даже лишения свободы.

Боясь потерять службу и жалование, большинство земских учительниц принимало правила и традиции села, строго следовало сформированному обществом образу-идеалу земской учительницы — скромной, благотельной незамужней женщины, посвятившей всю свою жизнь служению школе. Таким образом, молодая женщина фактически изолировала себя от мужчин, которые были ей близки по образовательному уровню, по общности интересов, по духовным запросам, то есть от общества деревенских интеллигентов холостяков — учителей, фельдшеров, дьячков и т.д. Естественное общение в такой среде давало определенные шансы на устройство личной жизни. А искусственные ограничения в угоду ложному образу добродетельной учительницы перечеркивало все надежды

как для женщины, так и для мужчины создать счастливую семью, объединенную помимо личной симпатии и любви, еще и общностью идейных ценностей и интересов. Примером перечеркнутых надежд служат строки из воспоминаний земского учителя С. Константинова: «одна очень милая, симпатичная учительница, беззаветно преданная школе (выделено – С. Ш.), просила меня не навещать ее, не желая подвергать серьезному риску свою репутацию. Мы очень симпатизировали друг другу, страшно интересовались школьным делом, но могли о нем говорить только при редких встречах у общих знакомых, хотя наши школы и находились только в двух верстах» [10, с. 417-418].

Вслед за земской учительницей в некоторых селах, где открывались земские участковые больничные пункты, появлялись фельдшерицы, акушерки, врачи. Многие из них, если не сразу, то постепенно завоевывали доверие и уважение села. Завоевать доверие крестьян мог не каждый врач, особенно, если им была женщина. «Русский простой народ любит лечиться, но, чтобы народ с доверием шел к врачу, нужно, чтобы этот последний, помимо опыта и знаний, проявлял и известную долю обходительности в обращении с больными; я в своей практике знал много случаев, когда отсутствие этой обходительности отваживало больных от медицинской помощи, несмотря на то, что врач обладал всеми профессиональными качествами и, к тому же, часто бывал крайним либералом» — писал князь Б. А. Васильчиков [4, с. 49].

За такого авторитетного врача боролись и владельцы имений, желая иметь квалифицированного врача, а значит и оперативную медицинскую помощь для себя и своих близких под боком. Так, князь Б. А. Васильчиков, как только представилась возможность, пригласил в больницу своего имения Выбити в Старорусском уезде Новгородской губернии врача Ольгу Николаевну Власову, служившую в одной из участковых земских больниц соседней Псковской губернии. Ольга Николаевна «была специалисткою по глазным болезням, таковая специализация всегда была слабым местом земской больницы. Всю себя отдавая своему

делу, вкладывая в него, без всяких фраз и рисовки, всю свою душу и работая буквально не покладая рук с утра до вечера. ... Ее скромная по размерам и обстановке больничка всегда была переполнена, слава о ней, в особенности как о глазном враче, распространилась широко, и ее амбулаторные приемы в 50-60 человек в день бывали не редкостью в осеннее и зимнее время, когда полевые работы не отвлекали крестьян от лечения» [4, с. 49].

В начале XX века завоевание врачом доверия крестьян происходило уже гораздо быстрее, даже если врачом была молодая женщина. Подтверждением тому служат воспоминания С. В. Трахтенберг. В 1908 году после окончания Лозаннского университета она приехала в Курск в качестве эпидемиологического врача. В это время ей было 22 года. Эпидемия не начиналась, и она попросилась на вакантное место в земский медицинский участок Обоянского уезда. Вот как она вспоминает свой приезд и первые впечатления: «Приезд докторицы взбудоражил все население деревни. Особенно взволновались женщины. Прошло немного времени, и моя популярность среди крестьян стала расти. Этому способствовали в большей мере привезенные мною инструменты. Моих пациентов, которые никогда в жизни не видели и шприца, вид разложенных в шкафчиках за стеклом блестящих инструментов... приводил в какой-то экстаз» [13, с. 293]. Работа С. В. Трахтенберг в курском земстве была недолгой — всего несколько месяцев, она вынуждена была уехать по семейным обстоятельствам. Однако даже этого непродолжительного времени хватало, чтобы крестьяне приняли и поверили молодой докторице. На формирование авторитета С. В. Трахтенберг определенное влияние оказал случай, когда она спасла крестьянку и ее новорожденного ребенка во время тяжелых родов: «Благополучный исход родов сильно поднял мой авторитет не только среди крестьянского населения моего участка. Моя «слава» дошла даже до окрестных помещиков» [13, с. 295]. Было еще и чтение лекций

о вреде пьянства, которая с интересом и вниманием была принята крестьянами. На наш взгляд, на относительно быстрое приобретение авторитета молодой женщиной-врачом повлияли и другие факторы, среди которых не последнее место занимал постоянно повышающийся уровень грамотности крестьянского населения, в том числе и женщин, а также выросшей уже к этому времени авторитет земской медицины.

Образованная женщина в селе не только выполняла роль агента культуры и образования. Порой она становилась проводником и инициатором внедрения в хозяйство передовых технологий и форм организации экономической деятельности. В начале 1910-х годов в российской деревне все активнее начинают использоваться кооперативные формы в организации различных сторон сельскохозяйственной деятельности. Женщины знакомились через специальную литературу и периодическую печать с теорией и практикой кооперативного движения за рубежом и в нашей стране, а затем пытались внедрить кооперативные начала в ту или иную сферу хозяйства своей местности. Так, помещица Курского уезда А. А. Петрова 3 декабря 1910 года «собрала крестьян, интересующихся сбытом молока из следующих селений: Киреевки, Звягинцевой, Волобуевой, Старосельцевой и Исаковских дворов. Среди собравшихся были священники, ученый агроном А. Т. Лукин... Тут собравшимся было сообщено о значении молочного хозяйства среди крестьянских хозяйств при обеспеченном сбыте и указано, что постоянный сбыт в неограниченном количестве, могут дать лишь молочные артели. Собравшиеся выразили желание устроить маслодельню, подписали устав, который утвердил Товарищ Главноуправляющего Землеустройства и Земледелия, а также было избрано правление» [7, л. 9 об.].

При организации артели, кроме осуществления формальных бюрократических процедур, требовалось 500 рублей для закупки оборудования маслодельни. Это вызвало озабоченность у крестьян, и «они хотели отказаться. Когда выяснилось это обстоятельство г. Петрова сказала, что даст артели

взаимообразно на год без процентов деньги, требующиеся для оборудования завода и ответ без арендной платы под здание завода свой старый дом. Все эти льготы, крестьян тоже не удовлетворяли; они боялись — дело новое может не пойти и придется долг платить, а тут не хватает их и без того. После этого г. Петрова сделала еще одну льготу учредителям артели, обещала по истечении года взять не деньги, если не пойдет завод, а инвентарь; словом дело было поставлено так, что крестьяне ничего не теряли при ожидаемых неудачах артели, а только могли пользоваться лишь прибылями, которые обещал закладчик. При этих условиях общее собрание уполномочило избранное правление приступить к организации дела. Правление выписало инвентарь, пригласило мастера, и завод открыл свое действие 1 марта 1911 года» [7, л. 9 об.].

А. А. Петрова пошла на беспрецедентные льготы для учредителей артели не только потому, что была уверена в успехе предприятия. Она за свои деньги купила оборудование маслодельни, разместила его в своем помещении, что ей мешало в этом случае оформить маслодельню как свое частное дело? Значит она хотела доказать крестьянам через реальное их участие в общем с ними деле (а не голой агитацией) выгоды и преимущества кооперации. Об успехе предприятия, созданного при активном участии А. А. Петровой, говорит тот факт, что Курасовская молочная артель за 10 месяцев своей деятельности численно выросла с 40 до 262 человек, то есть в 6,5 раз. Это неудивительно, так как самой важной причиной притока крестьян в артель была стабильность и размер получаемого дохода: учредители артели получили за сданное молоко в среднем с одной коровы за 10 месяцев суммарно до 100 рублей. Кроме того, артель учила крестьян следить за качеством молока, которое влияло на качество конечного продукта — масла, а значит, и на размер дохода. Это обстоятельство заставляло участников артели обращать «большое внимание на улучшение молочного скота и его кормление» [7, л. 18].

Таким образом, молочная артель — первый шаг

крестьян, который был сделан благодаря подвижничеству и настойчивости А. А. Петровой, побуждал их уже самостоятельно делать следующие шаги в том же направлении – совместными, кооперативными усилиями совершенствовать ведение своего хозяйства. Препятствием в виде недоверия и негативного отношения к нововведениям, с которыми столкнулась А. А. Петрова, легко объяснимы исходя из крестьянской психологии рассматриваемого периода. Традиционное крестьянское сознание, и женской его части в не меньшей степени, опиралось на веками проверенные и привычные образцы хозяйствования, на старину как на священный и неприкосновенный эталон. И только те хозяйственные новации, которые давали ощутимые и устойчивые результаты, принимались крестьянами на вооружение.

Опыт организации молочных артелей был востребован, при этом состав и правление их формировались в основном из женщин. Так, вполне успешная Троицкая молочная артель в Старооскольском уезде Курской губернии в июле 1915 года состояла из 115 человек (в подавляющем числе женщины) [5]. Ее руководящее звено было женским полностью: казначей – Юлия Михайловна Синельникова, «административно-хозяйственной частью по артели заведует староста – Мария Михайловна Подкапаева, технической частью по заводу ведает мастерица – Клавдия Александровна Журавлева» [6].

В начале ХХ века наблюдается эволюция, имеющая положительный вектор, в отношении крестьян к обучению девочек. Это подтверждается как статистикой, так и другими источниками. Еще на рубеже ХІХ–ХХ веков одним из контраргументов крестьян учению девочек в школе было то, что по ее окончанию девочка «больше имеет претензии на щегольство» [2, с. 4]. А накануне Первой мировой войны один из крестьян, когда его дочь только-только стала осваивать грамоту, не без гордости и самоиронии повторял: «Вот до чего дожил, моя дочка учит меня, старика уму-разуму» [1, с. 109].

На первый взгляд, более точно, нежели первое десятилетие

XX века, локализовать время перелома в отношении крестьян к обучению девочек не представляется возможным. Однако, в этом отношении заслуживают внимания предположение и аргументация Л. И. Земцова: «Складывается впечатление, что перелом в отношении крестьянства к грамотности, когда практически не осталось ее противников очевиден с эпохи важнейших событий начала века — русско-японской войны и революции. Чтение газетных статей о военных событиях, о прениях в Государственных думах активизировали понимание необходимости грамотности. Только при таком понимании интересов, существовавших в среде крестьянского населения, стала возможной политика власти и усилия земских учреждений накануне мировой войны по введению всеобщего начального обучения; вопросов о необходимости грамотности практически не возникает» [9, с. 137].

Точку зрения Л. И. Земцова подтверждают воспоминания современника. В конце августа или начале сентября 1904 года 6-летний Александр Ратиев возвращается с родными из Курска домой в Ялту. Дорога его, как и любого ребенка такого возраста, живо интересует, поэтому дорожные впечатления твердо сохранились в памяти. «Всю обратную дорогу меня удовлетворенно волнует то, что я предварительно знаю последовательность того, что нам предстоит в следующий момент. Вот только и для меня ново то, что почти всю дорогу наш поезд сопровождают крики — «Киньте газетку, барин, киньте газету». Кричат бородачи, стоящие невдалеке, железнодорожные стрелочники с флажками в футлярах, кричат пастухи, бросив свои стада, и подпаски, бегущие наперегонки нашему поезду, кричат мужики и бабы, проезжающие на возах... И без конца щелкают, открывающиеся окна в коридорах, в купе вагонов и подхватываемые ветром летят на простор полей и кричащим и спешащим пачки газет и журналов. Только через несколько лет дошло до моего сознания — эти кричащие и бегущие ждали вести с Японской войны» [11, с. 56]. Достоверность и ценность

этих воспоминаний обусловлена тем, что это детские яркие впечатления, не отягощенные какими-либо идеологическими установками или конъюнктурными соображениями. Поэтому это свидетельство, хотя и косвенно, аргументирует то положение, что важнейшие внешне и внутривосточные события (русско-японская война, революция 1905–1907 гг.) были своеобразными катализаторами увеличения спроса на «грамотеев» в крестьянской среде, а значит и на рост интереса к получению образования. Вероятно, в этот период (1906–1914 годы) закрепилось и положительное отношение крестьянства к получению образования крестьянскими девочками.

Это суждение может быть подкреплено следующим тезисом. В начале XX века, особенно в последнее десятилетие имперского периода, среди взрослых крестьян существенно увеличилась доля тех, кто сам, будучи ребенком, прошел земскую или церковно-приходскую школу. Поэтому для таких родителей не вставал вопрос: нужна ли грамота дочке. Поистине пророческими были слова из стихотворения ученицы Дочкиной, которое она сочинила в 1894 году к 10-летнему юбилею своей школы в одном из воронежских сел:

«Десять лет еще пройдут,
Дело двинется живее:
В эту школу набегут
Дети наших грамотеев.
Тот, кто грамоту познал
И свет божий увидал,
Тот не будет без причины,
Как угрюмый дураком,
Оставлять родного сына
Без науки слепышом» [2, с. 207].

Примечательно, что эти слова написала девочка — будущая мать крестьянских детей.

Сложно вычленив долю воздействия уровня образования

и степени грамотности крестьян на такие сложные, более детерминированные экономическими факторами, процессы, как трансформация большой патриархальной семьи в малую, имущественное расслоение крестьянства, уменьшение соседкой солидарности в крестьянской среде, ослабление социального контроля общины, в том числе и в разрешении внутрисемейных конфликтов. Однако эти процессы происходили, активно набирая силу, одновременно с распространением грамотности и ростом образовательного уровня крестьянства, и нельзя, нам думается, сбрасывать это со счетов. Конечно, эта взаимосвязь носила более интенсивный и заметный характер в тех регионах Российской империи, где крестьянство было в большей мере инкорпорировано в жизнь и экономику города через отходничество, например, в губерниях Верхнего Поволжья. Именно исследовательница социально-культурного развития деревни этого региона достаточно близко подошла (однако, так и не определила) к такому пониманию взаимообусловленности выше указанных процессов, отметив целый ряд следствий, указывающих на сформированное нами понимание. Это и «омоложение» крестьянских сходов, и появление среди их полноправных участников женщин, и укрепление престижа в крестьянской среде таких характерных личных качеств, помимо, а порой и в пике возрасту, как грамотность, осведомленность [12, с. 15]. Таким образом, менявшаяся, особенно быстрыми темпами в начале XX века, хозяйственная и правовая практика в селе меняла и статус женщины в крестьянском обществе, а уровень ее образования и грамотности были, как нам видится, своеобразным дополнительным ценностным качеством, повышающим авторитет и социальный вес такой крестьянки среди своих односельчан.

Таким образом, в рассматриваемый период в российской провинции произошел переворот в понимании местным обществом значимости женского образования. Это выразилось

даже не в росте числа женских учебных заведений и числа обучающихся в школах девочек из всех сословий, а в том, что образованная женщина прочно заняла многие профессиональные ниши, требовавшие, требовавшие квалифицированного труда и определенного образовательного уровня. Повседневная жизнь начала ХХ века уже не представлялась без учительницы земской школы, преподавательницы в женской, а порой и мужской гимназии, женщины-врача, фельдшерицы и акушерки, работницы аптеки и телефонной станции. Коллеги – мужчины уже воспринимали их как профессиональных партнеров, товарищей. Модернизация экономики требовала глубокой профессионализации труда, поэтому квалификация работника, его профессиональные знания и опыт становились определяющими при трудоустройстве и установлении размера оплаты его труда. Земства, как один из главных провинциальных работодателей для образованных женщин, на рубеже ХІХ–ХХ веков устанавливают квалификационные оплаты труда своих учителей и среднего медицинского персонала. Размер жалования теперь стал определяться исключительно качеством профессиональной педагогической или медицинской подготовки и стажем службы. Женщины за свой труд стали получать от земства не меньше, а порой и больше мужчин. Например, в Курском земстве фельдшерицы обычно имели более качественное медицинское образование, чем фельдшера, поэтому и жалование у них было в среднем выше. Успехи женщин на профессиональном поприще были видны и понятны не только работодателю, но и местному обществу. Главными потребителями услуг земских учительниц, фельдшериц и акушерок были крестьяне, которые видели их добросовестное отношение к делу, уверенность в своих знаниях и силах, уважение к ученикам и пациентам, поэтому все охотнее отдавали своих дочерей в школу.

Примечания

1. *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. Воспоминания / Н. П. Анциферов. — М., 1992.
2. *Бобылев Д.* Народная школа и значение грамотности в отзывах крестьян / Д. Бобылев // Сборник Пермского земства. — 1901. — № 2. — Отдел 3.
3. *Бунаков Н. Ф.* Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя / Н. Ф. Бунаков. — СПб., 1906.
4. *Васильчиков Б. А.* Воспоминания / Б. А. Васильчиков — М., 2003.
5. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 39. — Оп. 1. — Д. 1025.
6. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 39. — Оп. 1. — Д. 1074.
7. *Государственный архив Курской области.* — Ф. 1504. — Оп. 1. — Д. 15
8. *Государственный архив Российской Федерации.* — Ф. 102. — Д. 4. — Оп. 19107. — Д. 108. — Ч. 21.
9. *Земцов Л. И.* Великорусское крестьянство и начальная школа на рубеже XIX—XX вв. / Л. И. Земцов // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. К юбилею А. В. Райкова. — Липецк, 2009. — Вып. 6.
10. *Константинов С.* Два года в земской школе / С. Константинов // Записки очевидца: Воспоминания, дневники / Сост. М. Вострышев. — М., 1991.
11. *Курские дни князя Саши Ратиева* / Сост. Ю. В. Донченко. — Курск, 2007.
12. *Нужина А. А.* Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах губерний Верхнего Поволжья). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / А. А. Нужина. — Иваново, 2008.
13. *Трахтенберг С. В.* Из «записок старого врача» / С. В. Трахтенберг // Очерки истории русской общественной медицины. — М., 1965.